

Четыре длинных стола, за которыми сидели ученики разного возраста, были предназначены, как понял Гарри, для домовиков. В дальнем конце зала, на слегка украшенном столе, в окружении своих учителей, восседал человек, одинокий и значимый, тот, кто положил конец правлению Темного Лорда. Сразу же по входу Гарри почувствовал легкое покалывание в голове и невольно поднял глаза. Все учителя и ученики, казалось, уставились на него, и было трудно понять, кто именно смотрит прямо. Заставив себя расслабиться, Гарри изо всех сил сосредоточился на спокойствии своего разума. Попытка была робкой, но даже пассивные усилия были бы достаточно хороши, если бы он не хотел рисковать. Чувство присутствия отступило, но источник его остался неуловимым. Тем временем профессор МакГонагалл водрузила древнюю Распределяющую Шляпу на стул. После недолгого молчания Шляпа запела:— О Хогвартсе я расскажу вам,— О юном и жаждущем уме,— Слушай внимательно, и я расскажу тебе,— Какие домики ты найдешь... В этот момент Гарри почувствовал, как его внимание ослабевает. Как бы ни был он взволнован этим утром, ему не терпелось поскорее приступить к делу. Лишь сейчас до него дошло, что он никогда в жизни не был так открыт для других. Его воспитание было уединенным, и, за исключением редких вылазок в Косой переулок с дедом, он бывал только со своей семьей, то есть на частной территории. Он понимал, что враждебное отношение к нему будет плохим, но все же это было нечто иное, чем терпеть гневное бормотание и укоризненные взгляды на протяжении всего дня, не имея возможности отступить. Ему было немного стыдно, что его первым побуждением было повернуть хвост и бежать. Но ведь это был лучший вариант, не так ли? Выйти из себя и проклясть их всех было бы бесполезно; такие действия привели бы лишь к новым неприятностям. Он должен был помнить, что его поведение отражается и на Доме Блэк, так что выход был только один: не высовываться. Если ситуация действительно обострится, ему придется принять меры против определенных лиц, но он предпочел бы, чтобы до этого не дошло. Вдруг он понял, что впервые в жизни покидает Блэк в полном одиночестве. Его дед всегда настаивал на том, чтобы ехать с ним. Да и кто мог его винить после того случая с Регулусом... Подумав об этом, Гарри неожиданно порадовался, что хотя бы Дафна будет с ним в Хогвартсе. Она действительно умела его раздражать, и он чувствовал себя совершенно беспомощным перед лицом ее обычных методов, но, по крайней мере, можно было не сомневаться, что она желает ему добра. Драко был в порядке, но из-за его отца Гарри не мог ослабить бдительность рядом с ним. Он задавался вопросом, захочет ли кто-нибудь еще подружиться с ним в ближайшие годы. Конечно, Астория приедет в Хогвартс через два года, а близнецы - через год, но он не был уверен, что Лестранжи улучшат ситуацию. Если они решат, что он издевается, и напишут об этом Белле, она наверняка придет в школу посреди ночи и убьет обвиняемых маленьких чертей. Да, это было бы нехорошо по отношению к нему. Он чувствовал, что должен постараться уберечь остальных членов своей семьи от Азкабана, если это вообще возможно. Придется быть жестким, вести себя спокойно и, если понадобится, немного припугнуть тех, кто доставляет хлопоты. Пока они были мальчиками, это не должно было стать проблемой. Мерлин, голова опять разболелась. Внезапно кто-то толкнул его в ребра. Ошеломленный, он повернулся и увидел хихикающего Драко, указывающего на пустой стул и раздраженно смотрящего на него заместителя директора. Он снова повернулся и увидел, что весь зал смотрит на него. О, черт возьми! Он непринужденно подошел к креслу, изо всех сил стараясь казаться спокойным и не обращая внимания на враждебное бормотание, которое, должно быть, вызывала его фамилия. Он опустился на стул и почувствовал, как грязная, потрепанная Шляпа легла ему на голову, отгородившись от тех немногих слов, которые он мог разобрать в негромком гуле, наполнявшем зал. Предатель, похоже, пользовался особой популярностью. Зло и безумие были далеко позади.— Грязный и гнилой, да? — В его голове послышалось легкое хихиканье. — Я согласен, бывали и лучшие дни, но посмотрим, как ты будешь выглядеть, когда пройдешь свое первое тысячелетие, Блэк. Но у нас сейчас Распределение, так что давай приступим к нему. Голос на мгновение прервался, к досаде Гарри. Ему очень хотелось спать.— Ну что ж, тогда приступайте. — Еще одно хихиканье подсказало ему, что

Шляпа весьма забавна. — Хорошо. Ну, ты не Гриффиндор. Но все остальное, кажется, подходит, не так ли? У вас необыкновенный ум, и к тому же яростная преданность, по крайней мере, нескольким тщательно отобранным людям. Но честная игра - не совсем ваш конек, не так ли? Так что, возможно, нам следует исключить для вас Пуффендуй. Когтевран или Слизерин... Хммм... Я чувствую, что Ровена и Салазар разорвут меня на части, если я не помещу тебя в их дома... Боже мой, как же это сложно. Гарри не мог сдержать нарастающего раздражения. Поэтому он сделал то, что всегда делал, когда был раздражен. Странные цвета и чувства, проносящиеся в его сознании, не способствовали улучшению настроения. — Ты ведь знаешь, что я хочу, чтобы маглорождённая ведьма позже попала в Слизерин? Так как насчет того, чтобы доставить меня туда и покончить с этим! Не хочу показаться тщеславным, но я могу добиться большего, чем часами сидеть здесь с заплесневелым ковром на голове. Шляпа снова захихикала. — Вы уверены? С моими вещами ты мог бы неплохо учиться в Когтевране! В любом случае, я просто рассортирую их по местам; я обязательно посмотрю на них хорошенько и долго». На этот раз Гарри улыбнулся с превосходством. — О, так и будет. На самом деле, я на тебя рассчитываю. А теперь проводите меня в Слизерин, или я сделаю вас желтым». — Как пожелаете, — дружелюбно ответила Шляпа. — Это было очень забавно. Я бы хотел, чтобы было больше людей с вашим практичным подходом к сортировке. Но все равно, это будет Слизерин! К облегчению Гарри, последние слова были выкрикнуты в зал, и тут же сердитое жужжание, казалось, усилилось. Совершенно безразлично, или он так надеялся, он опустил Шляпу, прошел в левую часть зала и сел на свободное место спиной к стене. Несколько старшекурсников с любопытством смотрели на него, пока шло распределение. К своему удивлению, он заметил, что Слизеринов было значительно меньше, чем представителей других домов. Сначала он предположил, что Распределяющая Шляпа пытается уравнивать всех, но теперь, когда он задумался об этом, стало ясно, что это невозможно. Собственная воля, казалось, играла в этой игре не последнюю роль, и доминирующее влияние общественного мнения, похоже, брало верх над врожденной предрасположенностью и природой. Без особого энтузиазма он наблюдал, как Крэбба отправляют в Пуффендуй, а затем снова позволил своим мыслям блуждать. Слизерин требовал вмешательства. Обычно он старался быть максимально беспристрастным, но нынешняя ситуация была поистине удручающей. Большинство людей уже и не помнили, что в прошлом у Слизерина были веские причины не принимать маглорожденных в Хогвартс. Что-то вроде того. Сейчас, конечно, все изменилось, но по иронии судьбы единственными семьями, которые помнили об этом, были те, кто с гордостью носил знамя Слизерина. Как же так получилось? Да, старые семьи были шокирующе недалёковидны в некоторых своих решениях, но и с другой стороны дела обстояли не намного лучше. У него сложилось впечатление, что некоторые люди считают, будто попадание в Гриффиндор автоматически означает, что ты - следующий герой, готовый осыпать мир добротой своего золотого сердца; в то время как в Дом Змей добровольно попадают только те, кто не в своем уме. Как он мог терпеть этих идиотов? Если что и раздражало его до глубины души (не считая, пожалуй, его своенравного кузена), так это тупость и простота, с которой общество относилось к вопросам морали. Всегда, во все времена, казалось, существовало только небесное добро и подлое зло. Если бы перед вами был по-настоящему вдумчивый человек, он мог бы признать, что есть трусы, которые боятся сделать выбор. Ему нужно было успокоиться. Он не мог изменить этих простаков одним махом, да и не был уверен, что это вообще возможно. Гораздо проще было бы просто снести все и начать сначала. Неудивительно, что каждое столетие или около того появлялся Темный Лорд. Он очень жалел, что в Хогвартсе не преподавали философию Маглов; правда, у этих не-магов были свои странности, но он скорее восхищался тем, как они тысячелетиями пытались расшифровать мир, который был им совершенно не по зубам, и, казалось, никогда не были готовы сдаться. Крайне раздраженный, он подпер голову левой рукой, стараясь не обращать внимания на клубящийся пурпурный свет, который, казалось, набрасывался на него, атакуя его разум. Пытаясь успокоиться, он снова принялся играть со своей палочкой. Сначала нужно было что-то сделать со Слизерином. И с идиотами в

нем, и с еще большими идиотами во всех остальных домах. По одному шагу за раз. Но как начать? Ему казалось, что он что-то забыл, хотя он был уверен, что уже думал об этом раньше. Ему нужен был какой-то аргумент или инструмент, чтобы по-настоящему шокировать школу и заставить их поколебаться в своих убеждениях. Что-то грандиозное, лучше не связанное с ним напрямую, поскольку на него всегда будут смотреть с подозрением. Ему нужен был катализатор перемен: оружие. Внезапно он заметил, что кто-то пристально смотрит на него. С легким любопытством он поднял голову... и обнаружил, что напротив него сидит некая Гермиона Грейнджер, явно разъяренная. Гарри весело ухмыльнулся, втайне радуясь, что между ними стоит стол, так как она, похоже, намеревалась откусить ему голову. Кроме того, это позволяло ему сохранять спокойствие. Он поднял руку в знак приветствия и попытался одарить ее победной улыбкой. — О, привет, Гермиона! Приятно было встретить тебя здесь! В школе воцарилась тишина. Все по-прежнему смотрели на Гермиону, а теперь и на него. Даже другие Слизерины казались слишком удивленными, чтобы бросить на него неодобрительный взгляд.

<http://tl.rulate.ru/book/109631/4095528>